

«ПОДЧИНЕНИЕ СТАРШИМ» vs. РАЗРУШЕНИЕ ПАТРИАРХАТА: ЖЕНСКАЯ СЕКСУАЛЬНОСТЬ В БРАКЕ (Северный Таджикистан)

А.А. Тёмкина

Данная статья посвящена анализу трансформации гендерного порядка и сферы сексуальных отношений в постсоветских обществах на примере Таджикистана. Исследование основывается на серии глубинных интервью с городскими жителями г. Худжанда (бывший Ленинабад). Изучение гендерного порядка приватной сферы и сексуальных отношений в Таджикистане продемонстрировали достаточно устойчивые патриархальные структуры, организующие жизнь мужчин и женщин. Вместе с тем в советский период женщинами были усвоены модернизированные образцы поведения. Рассказы о повседневной жизни, полученные в ходе интервью, репрезентируют и патриархальные отношения, и их некоторую либерализацию.

Ключевые слова: гендер, патриархат, Таджикистан, сексуальность, женщины, модернизация

Данная статья посвящена анализу трансформации гендерного порядка и сферы сексуальных отношений в постсоветских обществах на примере Таджикистана. Эмпирическую базу составляют интервью о сексуальности с городскими образованными жителями г. Худжанда (бывший Ленинабад),

Первая версия статьи опубликована: Гендерный порядок: постсоветские трансформации (Северный Таджикистан) // Гендер: традиция и современность / Под ред. С. Касымовой. Душанбе, 2005. С. 6–91, а также на сайте www.genderstudies.info. Я также хочу поблагодарить А. и Ш. Бойматовых за помощь в организации данного исследования в Худжанде, С. Абашина, Е. Здравомыслову, С. Касымову, А. Роткрих, М. Хаккарайнен, И. Тартаковскую за высказанные замечания.

Согдийская область, проведенные во время полевого исследования в 2004 году¹.

Худжанд – второй по величине город в Республике Таджикистан, его численность – 150 тыс. человек (2000 год). В Согдийской области проживает около 30 процентов населения Республики Таджикистан, на ее долю приходится более 1/3 промышленной продукции республики. Эта область считалась наиболее индустриализованной и русифицированной в позднесоветское время, со значительным количеством русских и узбеков в составе населения. Во время гражданской войны (1992–1997 годы) военных действий в городе не было, однако последствия войны, экономических и политических трансформаций продолжают сказываться в повседневной жизни (нехватка газа, воды, перебои в подаче электроэнергии и пр.).

В процессе исследования было проведено двенадцать биографических и три экспертных интервью. Мои первоначальные предположения были связаны с тем, что советская гендерная политика имела гомогенизирующие эффекты на всей территории СССР, разрушая патриархальное устройство семьи и поддерживая контракт «работающая мать», который должен был стать доминирующим контрактом и в Таджикистане. Соответственно ожидалась и определенная степень либерализации в сфере сексуальности. Изучая гендерную организацию приватной сферы и сферы сексуальных отношений в Таджикистане я обнаружила достаточно устойчивые патриархальные² структуры, организующие жизнь мужчин и женщин. Среди них – гендерная сегрегация детей и подростков, организация брака старшим поколением, жесткий контроль над женщинами со стороны старших и мужчин. Вместе с тем в советский период женщинами были усвоены модернизированные образцы поведения – они получали образование, работали, разводились, делали аборт и пр. В современных исследованиях в Таджикистане фиксируется доминирование патриархальных тенденций

¹ Информанты – 10 женщин и 2 мужчины в возрасте от 24 до 55 лет, все состоят (или состояли) в браке, имеют детей. Все информанты имеют высшее образование и работают по специальности в настоящее время (кроме одного случая). Среди информантов семеро идентифицировали себя как таджиков, один – узбек, один – русский, у троих один родитель – узбек(-чка), другой – таджик(-чка). С точки зрения информантов, гендерно маркированные традиции узбеков и таджиков в Северном Таджикистане сходны. Используются также материалы интервью и бесед с тремя экспертами: филологом, социологом и востоковедом. Два ключевых информанта в г. Худжанде на протяжении всего исследования постоянно отвечали на мои разнообразные вопросы. Я также осуществляла постоянное экспертное консультирование с С. Касымовой, социологом из Душанбе. С 13 апреля по 27 апреля 2004 года велся дневник включенного наблюдения в Худжанде. Исследование было осуществлено в инициативном порядке в рамках руководства проектом «Гендерное неравенство в образовании», поддержанного Central Asia Research Institute.

² Здесь под *патриархальным* порядком понимается система контроля, осуществляемая расширенной семьей, в первую очередь, старшим поколением при низкой степени автономии супружеской пары. Под *патриархатом* понимается главенство мужчины в автономной, проживающей отдельно, имеющей собственные источники дохода, нуклеарной семье (паре).

[Harris, 2004], с одной стороны, наличие модернизационных – с другой [Касымова, 2006]. Рассказы о повседневной жизни, полученные в ходе интервью, также репрезентируют и патриархальные отношения, и их некоторую либерализацию.

В данной статье поставлена задача – описать советскую и постсоветскую модернизацию гендерных отношений общества, сохраняющего свое патриархальное устройство. В фокусе исследования – контроль над женской сексуальностью, который является центральным компонентом патриархальной системы. Сначала я кратко рассматриваю теоретическую рамку исследования сексуальности и гендерного порядка. Затем я обращаюсь к рассказам о советском времени. На основе этих рассказов реконструируются сценарии с разной степенью репрезентации патриархальных тенденций. Соотношение различных сценариев позволяет показать разные «слои» гендерного порядка. Затем реконструируются гендерные и сексуальные отношения в современном Таджикистане и их изменения.

Результаты данного исследования имеют ряд ограничений. В проведенных мной интервью речь шла о семейной и сексуальной жизни информантов. Описывая трансформации гендерного порядка, я делаю акцент на приватные роли женщин, их роли в публичной сфере были затронуты в меньшей степени. В меньшей степени затронуты и роли мужчин. Исследование проводилось только в одном регионе Таджикистана, поэтому региональные различия не рассматриваются. В данном исследовании не представляется возможным сделать выводы о степени распространенности выявленных тенденций, поскольку речь преимущественно идет о том, как гендерный порядок репрезентируется в рассказах о жизни, то есть о его субъективной или интерпретативной стороне. В исследовании было проведено интервью только с наиболее модернизированными городскими жителями, имеющими высшее образование. Было сделано небольшое число интервью, которое, однако, позволило выявить устойчивые структуры – сценарии сексуальности, задающие совокупность повседневных практик. Детально регламентированный сценарий не предполагает значительных вариаций, поэтому удалось его воссоздать на основе небольшого количества интервью (хотя, разумеется, некоторые детали могли оказаться упущенными).

1. Гендерный порядок и сфера сексуальности

В гендерных исследованиях сфера сексуальных отношений рассматривается как одна из структур гендерного порядка. Гендерный порядок определяется, вслед за Р. Коннеллом [Connell, 1987], как статусный социальный порядок, для которого характерно неравное распределение благ и престижа по признаку пола [Здравомыслова, Темкина, 2004а]. В гендерном порядке в конкретных обществах может быть выделен доминирующий гендерный

контракт(-ы). Понятие «гендерного контракта» используется для описания доминирующих предписаний людям и дифференциации деятельности по признаку пола и по поколениям, определяющих статус, права, обязанности и ответственность в сфере воспроизводства и производства [Темкина, Роткирх, 2002]. Сексуальность анализируется исследователями как компонент гендерного порядка, относительно самостоятельный, но одновременно связанный с другими составляющими. Р. Коннелл рассматривает сексуальность как одну из структур, в которых проявляется гендерный порядок [Connell, 1987, 2002]. Структура эмоциональных и сексуальных отношений управляется правилами, которые регулируют выбор объектов желания, сексуальные, дружеские, брачные и родительские отношения. По определению Рензетти и Куран, гендерная система включает социальную регуляцию сексуальности, позитивно оценивающую одни формы сексуального поведения и негативно – другие [Renzetti and Curran, 1992].

При анализе гендерного порядка сфера сексуальных отношений может быть рассмотрена как своего рода «базис» по отношению к другим сферам – «надстройке» (гендерным ролям, нормам, идентичностям). В сфере сексуальности создаются и воспроизводятся базовые различия мужественности и женственности, которые поддерживаются публичными и приватными дискурсами, государством, рынком, религией, сообществами, семьей, традицией и пр. В разных обществах «надстройка» может быть в различной степени определена «базисом». Существуют общества патриархального типа (типологию см.: [Therborn, 2004]), в которых регулирование женской брачной и репродуктивной сексуальности составляет основу гендерного порядка, то есть «базис» достаточно жестко детерминирует «надстройку». В таком случае гендерный контракт для женщины – это в первую очередь сексуальный или репродуктивный контракт. Социальная организация женской сексуальности и репродуктивных функций в браке определяет женскую биографию – «судьбу», которая тождественна подчинению мужу и / или расширенной семье. Такой порядок я называю *традиционным*¹.

Многие черты традиционализма присутствуют и в модернизированных гендерных порядках (асимметрия сексуальных предписаний мужчинам и женщинам, меньшая вариативность женских норм и практик и пр.). Однако в парадигматическом варианте традиционализм представляет собой систему всеобщего контроля старших поколений и мужчин над женской сексуальностью. Сексуальность при этом выступает центральным или «базовым» уровнем контроля. В других обществах, переживших радикальные изменения, обозначаемые метафорой «сексуальная революция», сфера сексуаль-

¹ Заметим, что понятие «традиции» вообще и применительно к гендерным отношениям в частности имеет чрезвычайно широкую трактовку. Здесь я называю традиционализмом патриархальное регулирование женской сексуальности.

ности является относительно автономной от брака, гендерная роль не определяется исключительно репродуктивными и сексуальными предписаниями. «Базис» отрывается от «надстройки», женская сексуальность – от строго контролируемых правил деторождения. Гендерные роли и идентичности становятся многообразными и вариативными.

Для анализа социальной организации сексуальности как базового уровня гендерного порядка используется *сценарный подход*. В соответствии с ним сфера сексуальности рассматривается как регулируемая определенными правилами, организующими практики в конкретных социальных контекстах. Эти правила образуют устойчивые структуры – «сценарии сексуальности». Данный подход возник в интеракционистском варианте конструктивистской методологии и был использован для того, чтобы показать, как на протяжении всей жизни люди создают, поддерживают и адаптируют образцы сексуального поведения к культурным контекстам [Gagnon, Simon, 1973; Gagnon, 1990; Laumann, Gagnon, Michael and Michael, 1994; Simon, 1996; Simon, Gagnon, 1984]. Сценарии сексуальности воспроизводят системы структурного неравенства, характерные для конкретного гендерного порядка [Jackson, 1999; Lorber, 1994]. Сценарный подход позволяет описать культурные нормы и гендерные предписания в сфере сексуальных отношений (культурный сценарий), воплощаемые в повседневных практиках и наделяемые конкретным смыслом в социальных взаимодействиях (межличностный сценарий).

2. Советский гендерный порядок в традиционном контексте: «брак по согласию родителей» и «уважение к старшим»

Гендерная политика советского государства имела сходные эффекты на территории всего Советского Союза. В первую очередь это касалось вовлечения женщин в публичную сферу и государственной поддержки материнства. Государство претендовало на роль монопольного агента в выработке гендерной политики и идеологии, декларируя гендерное равенство, но предписывая различия гражданам по признаку пола и контролируя исполнение предписаний. От советской женщины любой национальности ожидалась вовлеченность в публичную сферу, выполнение ролей труженицы и матери – контракт *работающей матери*. Этот контракт действовал в разных республиках и национальных сообществах, однако степень его распространенности была различной в зависимости от традиционных норм и практик, корректирующих предписания социалистического государства.

При анализе гендерных отношений в Центральной Азии многими исследователями используется дихотомия традиционализма – модернизации. Гендерные отношения советского периода описываются как модернизированные или эгалитарные в публичной сфере и традиционные в приватно-

семейной сфере¹ [Women... 2000. P. XI; Akiner, 1997; Harris, 2004]. Модернизация гендерных отношений связывается исследователями с выходом женщин в публичную сферу, получением образования и участием в оплачиваемом труде, секуляризацией жизни, законодательным гендерным равенством, некоторыми тенденциями к нуклеаризации семей, уменьшением рождаемости, с одной стороны. С другой стороны, гендерный порядок в Таджикистане описывается исследователями как сохранивший значительно более высокую степень патриархальности (например, по сравнению с российским). Традиционализм в повседневности характеризуется сохранением расширенных патриархальных семей, контролем над женской сексуальностью, ограниченным доступом женщин в публичную сферу. К. Харрис считает, что на повседневном уровне существовало сопротивление советизации, выражающееся в сохранении многих традиционных (дореволюционных) гендерных норм. Выстраивание культурных границ по отношению к советскому и русифицированному публичному дискурсу в домашней сфере было связано с контролем семьи и локального сообщества [Harris, 2004. P. 58–59]. При этом приватная сфера «советизировалась», используя ресурсы, предоставляемые государством. Советизация / русификация способствовала гендерной модернизации, особенно в образованных слоях: женщина-учительница или врач в позднесоветский период признавались легитимными гендерными ролями. Светская политика создавала ресурсы и для поддержания традиционной мужественности и женственности. Благодаря ей мужчина, имея гарантированную работу, мог осуществлять функции кормильца и содержать большую семью. Многодетное материнство поддерживалось не только семьей, но и государством [Касымова, 2004].

Итак, гендерный порядок являлся *патриархально-этакратическим*: формально он имел этакратический характер (женское гражданство, льготы, привилегии, социальная инфраструктура и прочее связывалось с материнством и занятостью), фактически женские роли (и материнство, и занятость) во многом контролировались патриархальными системами отношений. Доминирующий гендерный контракт может быть обозначен как *многодетная мать в патриархальной семье (с частичной оплачиваемой занятостью)*.

Гендерный порядок репрезентирован в биографических рассказах через основной гендерный код – «**уважение к старшим и к мужчинам**», означающий жесткую половозрастную субординацию, и центральную практику – «**брак по согласию родителей**», означающую контроль над женской сексуальностью.

¹ Традиционные (досоветские) ценности включают большие расширенные семьи, организацию браков родственниками по правилам ислама и пр. Патриархальная семья, семейно-родственные группы и соседские общины выступали основными формами организации экономических отношений. В зажиточных слоях существовало многоженство, у равнинных народов были распространены женское затворничество, семейно-брачные запреты и избегания, в том числе между женихом и невестой [Кисляков, 1959; Кисляков, 1969].

По отношению к этому коду и практике можно выделить три основных сценария:

1. Парадигмальный сценарий, основу которого составляет безусловная половозрастная субординация и контроль над женской сексуальностью.
2. Советизированный сценарий, смягчающий половозрастную субординацию и контроль над женской сексуальностью.
3. Сценарий относительно автономной женской сексуальности.

2.1. Парадигмальный сценарий: «уважение к старшим и к мужчинам... обязательно»

Данный сценарий представляет собой нормативные предписания, охватывающие весь жизненный цикл. Этот сценарий выступает центральной системой референций, относительно которой репрезентируются как соответствующие ему, так и отклоняющиеся от него практики. Поэтому мы назвали данный сценарий парадигмальным¹.

Его компоненты репрезентированы в нормативных образцах и в индивидуальных повседневных практиках разных поколений. Основные предписания связаны с половозрастной субординацией и безусловным подчинением женщины родителям, мужу и его родителям. Приведем характерную цитату, в которой гендерная этническая идентичность интерпретируется как субординация: *Быть таджикской женщиной – [означает] ... уважать семью мужа, никогда не ставить себя выше своего мужа, у нас это так принято... в семье мы считаемся ниже своего мужа по статусу. Уважение ... обязательно* (31 год).

Парадигмальные гендерно маркированные правила организации семьи и сексуальной сферы отражают отношения власти между мужчинами и женщинами и между поколениями. Основные параметры парадигмального гендерного порядка описываются и в позднесоветской, и в современный период. Поэтому в ходе его реконструкции мы используем биографии разных возрастных групп. Рассмотрим последовательно фазы жизненного цикла.

¹ Д. Кандиоти, вслед за Е. Джейнвей [Kandiyoti, 1988; Janeway, 1980], применяет термин «парадигма» Т. Куна (принятая модель, образец [Кун, 1977]) для исследования гендерных отношений. Они полагают, что широко распространенные идеи и практики в сфере сексуальности действуют как сексуальная парадигма, устанавливая правила «нормальности» в определенный период времени. Когда существующие правила перестают действовать, а «аномалии» уже нельзя не замечать, сексуальная парадигма становится уязвимой. Данная парадигма вписана в патриархальный договор, который имеет «нормальную» и «кризисную» фазу. Во время «нормальной фазы» классического патриархата большинство членов сообщества разделяют его принципы, которые являются основой практической деятельности. При этом многие женщины не выполняют условия патриархата, например разведенные, бездетные женщины и пр. Однако их наличие расценивается как случайное отклонение. И только тогда, когда такие отклонения обретают систематический характер и оцениваются как систематические, возникают условия для смены гендерной / сексуальной парадигмы.

Воспитание детей: подчинение и сегрегация

Воспитание детей описывается информантами как гендерно маркированное, внесемейный мир общения – как гендерно сегрегированный. Такая система подразумевает следующие правила: воспитание мальчиков и девочек существенно различается; гетеросоциальное общение, начиная с подросткового возраста, ограничивается. Многие информантки рассказывают об очень жестком контроле их поведения в родительской семье. У детей разного пола поощряются разные черты характера, в воспитании эксплицирована подготовка к разным взрослым ролям. Дети вовлечены в домашний труд и помощь семье в соответствии со своим полом. По словам одной информантки: *для мужчин – работа мужская, они делали, а что для женщины, – то девочки только делали* (31 год). Правило сегрегации при этом в позднесоветский период никогда не выполнялось полностью: дети вместе учились в школе, могли посещать детский сад.

Организация брака: решение принимается родителями

Данный поворотный пункт в биографии молодых людей строго контролируется родителями. Контроль реализуется через следующие правила: решение о браке принимается старшим поколением, от женщины требуется сохранение добрачной девственности. Нарушение правил описывается информантами в терминах *«позора»*, *«стыда»*, *«клейма»*. Информанты говорят о том, что отсутствует институт добрачного ухаживания: это правило логически дополняет сегрегацию мира детства и юношества и отсутствие прав самостоятельного брачного выбора. Сужается среда общения, молодые люди (особенно девушки) не стремятся к поиску партнера и установления с ним отношений – они полагаются на волю родителей. Когда в частной беседе я спросила молодого образованного мужчину, не видит ли он в этом проблему, он объяснил, что доверяет выбору родителей как более опытным людям, хорошо понимающим потребности своих детей. Выбор родителей, с его точки зрения, является оптимальным (полевые записи, апрель 2004 года).

Брак, заключаемый по согласию родителей, является институтом социальной связи и эксплицированного обмена между семьями и сообществами. Принятие решения о браке осуществляется с учетом различных статусных характеристик, совокупность которых должна установить эквивалентность обмена. Статусы партнеров оцениваются по происхождению (семья, регион, этничность), социальному и экономическому положению, возрасту, внешности, образованию, его (ее) маритальному статусу и маритальному статусу его (ее) родителей. По мнению мужчины: *[Важно] в какой семье она родилась, кто ее родители, какая обстановка в ее семье, как она материально обеспечена* (30 лет). Обратим внимание на то, что в данном сценарии обмениваемые статусы связаны с разными укладами жизни – с одной стороны, это ориентация на здоровое потомство, укрепление межродовых связей, с другой – учитывается культурный, образовательный, экономический, про-

фессиональный статус. Невеста не может отказаться от решения, принятого родителями. К выбору родителей существует априорное уважение: *Я все время говорила: «Кому папа отдаст, тому я и выйду замуж»* (40 лет).

Условием брака является также «чистота» невесты, контроль за дефлорацией осуществляется свидетелями. *Если девушка не девственница – это будет позор на всю ее семью, на весь город, это будет клеймо* (30 лет). От невесты не ожидаются знания о сексуальности. Мужчина может иметь сексуальный опыт. *Они гордятся, что имеется у них такой опыт, побольше, они гордятся этим* (31 год).

Организации брака «по согласию родителей» – базовое правило парадигмального сценария в Таджикистане (как и во многих мусульманских странах). Другие правила не должны ему противоречить, хотя в них допускаются некоторые вариации.

Жизнь в браке: система подчинения женщины

Иерархия власти и контроль за ее соблюдением обеспечивают функционирование брака. Властные отношения между полами и поколениями связаны с патрилокальной организацией брака – проживанием в семье мужа. Свекровь и муж выступают агентами власти и контроля в приватной сфере. *Она [свекровь] просто командует нами, понимаете, что на ужин надо приготовить, что на обед надо приготовить... Все деньги отдаем свекровке* (40 лет). Главенство мужчины признается и поддерживается и мужчинами, и женщинами: *Мужчина... в семье главный он, в обществе заложено, у него в голове тоже так, что я его должна уважать, почитать я его должна, с его мнением соглашаться* (24 года).

Главная функция супружеской пары – это рождение детей, продолжающих род. Ребенок должен родиться в течение года после свадьбы. *Если в первый год невеста не забеременела, то это красный сигнал в браке* (38 лет). Число детей в семье должно быть больше двух. *Дети считаются богатством даже у самого бедного. И богатый хочет иметь как можно больше детей, и бедный* (50 лет). Дети, однако, имеют не столько индивидуальную ценность, сколько ценность «продолжателей» патриархального рода. С этим связано преимущество, которое отдается мальчикам, которые останутся в семье, перед девочками, которые из нее уходят. Сыновья являются важным ресурсом власти женщины-матери, лишенной других ресурсов в жесткой патриархальной системе, поскольку впоследствии невестка будет подчинена свекрови.

В браке предписывается жесткое разделение труда (см. также результаты опросов [Куватова, 2004; Хайдаров, 2004]). Муж – добытчик, несущий ответственность за экономическое обеспечение. Он выполняет «мужскую работу» – делает покупки, принимает участие в воспитании детей, обеспечивает важнейшие для сообщества мероприятия. На больших мероприятиях – свадьбах, похоронах – *готовит только мужчина, а женщина не готовит* (38 лет). Мужские роли функциональны для воспроизводства сообщества

и оцениваются как важнейшие. Советское государство гарантировало мужчине занятость, а патриархальная семья востребовала его роль как основного добытчика и агента взаимодействия с внешним миром. Одновременно расширенная семья ограничивала возможности участия женщины в публичной сфере¹, хотя ее занятость вне дома в советский период обрела легитимность. Однако статус такой работой оценивается как вторичный: [Муж] *мне просто говорит: «Оставь работу, сначала за ребенком смотри, а потом уже работа»* (31 год). Самостоятельные заработки обеспечивают женщину ресурсами, и потому ее зависимость может стать проблематичной (что отчасти и происходило в позднесоветский период).

В семье осуществляется контроль над правильным исполнением женщиной гендерного дисплея² (одежда, внешность, общение): *кто-то позволил... он может стоять и слушать, с кем я разговариваю... внешний вид – это тоже большая проблема, что я сшила не то, что одела не то... слишком экстравагантно, слишком подчеркивающе* (38 лет). С точки зрения Харрис, такие взаимодействия могут быть объяснены через контроль сообщества над мужчинами – мужчины несут ответственность за правильное осуществление женского дисплея, от эффективности их действий зависит их честь [Harris, 2004. P. 73–80].

Таким образом, основу гендерного порядка составляет уважение – почитание, послушание, подчинение – к старшим и мужу. Когда невестка становится матерью, она обретает определенную власть по отношению к младшим членам семьи. Она отвечает за «чистоту» дочери, осуществляя повседневный контроль. По мере приближения к возрасту свекрови, статус женины продолжает расти. Сын является значимым ресурсом, поскольку мать и отец контролируют его брак, а его жена будет обеспечивать в дальнейшем функционирование домохозяйства. Как отмечает Кандиоти, в странах классического патриархата старшие женщины сопротивляются отделению сыновей и нуклеаризации их семей, поскольку это ослабляет их способность контролировать ситуацию [Kandiyoti, 1988]. В старшем возрасте женщина может рассчитывать на почитание и уважение к себе со стороны сообщества и со стороны детей: *мои дети будут меня уважать так, как я уважаю своих родителей и свекровь со свекровкой* (40 лет). Не случайно информантка, которая собирается выдавать детей замуж, говорит: *у нас в семье матриархат... Последнее слово всегда за мной, что я хочу – муж меня одобряет* (40 лет). Итак, сексуальные качества женщины, ее воспроизводственные способности важны при определении статуса и места в гендерной иерархии. В этом смысле сексуаль-

¹ Исключение составляла принудительная сезонная работа в обработке хлопковых полей и сборе хлопка.

² *Гендерный дисплей* – термин И. Гофмана – является основным механизмом создания гендера в процессе взаимодействия лицом к лицу. Он проявляется в телесной идиоме, символике, стиле и способах общения [Гофман, 2001].

ность (то есть выполнение правил сексуального поведения) – это ее «судьба». Рассмотрим теперь, как интерпретируется сексуальность в рамках патриархального гендерного порядка, структура которого предполагает субординацию по поколениям и по полу.

Сексуальная сфера: долг женщины

Сексуальность женщины репрезентирована в данном сценарии как сфера репродукции. Центральное правило социальной организации сексуальной жизни – ее подчинение семье (роду). Сферу сексуальности характеризует ограниченный набор знаний и тем для обсуждения, двойные гендерные стандарты поведения. Аналогичные тенденции отмечаются в российском поколении 1920–1945 годов рождения, которое названо исследователями «поколением умолчания» [Rotkirch, 2000]. В Таджикистане говорить на тему сексуальности с информантками оказалось несколько труднее, чем в России, однако не настолько сложно, как я предполагала в начале исследования. Как исследовательница, принадлежащая к другой культуре, я сначала не вполне понимала, какие темы могут вызвать напряжение, поэтому обращалась к женщинам и мужчинам достаточно осторожно, предлагая им для обсуждения широкий спектр вопросов брака, семьи, отношения в семье, сексуальности, любви. Пилотажные интервью позволили мне определить фокусы, адекватные культурному контексту, к которым относится в первую очередь брак. Как и в России, разные женщины говорили о семейно-сексуальной сфере по-разному. Некоторые достаточно легко переходили на тему сексуальных взаимодействий, другие старались переключиться на более общие вопросы взаимоотношений в семье. Легче говорят на данные темы более молодые женщины, более русифицированные, и те, для кого сфера сексуальности осознается как проблематизированная. Истории, особенно «парадигмальные», рассказываются в довольно печальных тонах. Подчеркивается неудовлетворенность сексуальной жизнью, отсутствие необходимых знаний, отсутствие возможности выбора, принуждение к сексу, вплоть до насилия, и пр. Такая организация сферы сексуальности поддерживалась как расширенной семьей, так и советским пуританством.

Важнейший момент в организации сексуальной жизни – вступление в брак. Женщина в этот момент владеет лишь ограниченными знаниями о сексуальности, она боится и стыдится не только полового акта как такового, но и необходимости выполнить правила брачного ритуала – продемонстрировать свидетелям наличие девственности. О брачной ночи женщины разных поколений рассказывают похожие истории: *Он чувствовал, что я его не хочу как мужчину, у меня никаких влечений к нему не было... По нашему обычаю, это должно произойти, вот кровь... женщины, которые накрывали брачное ложе, они должны видеть, что она на самом деле девушка... И вот это случилось, как бы ... типа изнасилования даже, я после этого где-то неделю к себе мужа не подпускала, я его презирала (24 года).*

Мужчина должен убедиться в девственности невесты, проявив достаточную сексуальную потенцию. Рассказывает молодая женщина: *он боялся опозориться..., потому что наверняка опыта не было... И естественно, нужно посмотреть, девочка я, не девочка, да, вот посмотрел, убедился... В общем, навсегда у меня охоту отбил этим самым (27 лет).*

Сексуальность в браке в целом не является предметом обсуждения супругов. Однако проблемы бесплодия – это предмет всеобщего внимания. Интервью изобилуют подробностями о проблемах бесплодия и репродуктивного здоровья, которые связывается с тяжелейшими условиями труда на хлопковых полях. В женских кругах обсуждаются репродуктивные практики: роды, беременности, аборты. Важное правило, организующее сексуальную сферу, – это многодетность, необходимая для воспроизводства семьи. Однако аборты в советское время получают широкое распространение и описываются как рутинная практика: *У нас не было запрета на аборты... Я при советской системе выросла. Это как медицинская процедура. То есть не было религиозных ограничений и не было традиционных ограничений. Традиция не говорила: «Смотри, не смей!» (50 лет).* В парадигмальный сценарий вписаны советские правила – в частности, аборты описываются как медицинская, а не моральная практика, отсылающая к религии и традиции.

Сексуальная жизнь в браке предполагает двойные гендерные стандарты. Допускается (хотя и не приветствуется) неверность мужей, которая абсолютно не допустима для женщин. Мне не удалось в повседневных нарративах обнаружить дискурс о женских изменах¹, однако дискурс об изменах мужей циркулирует повсеместно. Многоженство – еще один традиционный институт, судьба которого значительно трансформировалась в советский период. Многоженство существовало в сфере неофициальных отношений и скрывалось от государства как не соответствовавшее советской идеологии: *[Многоженство] было, но не так афишировалось, потому что за это можно было и из партии вылететь (38 лет).*

Сексуальная жизнь женщины описывается как обязанность, связанная с необходимостью удовлетворять потребности мужа и осуществить репродуктивные функции. Удовлетворение женщины в супружеских отношениях не считается существенным. *[Сексуальная жизнь] как обязанность, такая семейная, нужно и все... Я особо этого не хотела, я этого не желала... Удовольствие? Никакого, абсолютно... У них нету цели – доставить удовольствие женщине (27 лет).* Информантки рассказывают о сексуальных отношениях как о лишенных эротизма, во взаимодействиях не приветствуется открытое проявление чувств, демонстрация тела. В настоящее время достаточно часто обсуждается связь исламской традиции и женской сексуальности

¹ Как указали эксперты, женские измены являются предметом обсуждения в «желтой прессе», они встречаются и в повседневности. Чаще всего их объясняют экономической заинтересованностью женщин.

ти. Приводятся примеры из исламских текстов с указаниями на сексуальные потребности женщин¹.

Однако в рассказах о жизни мне не удалось обнаружить дискурсивную связь между описанием сексуального удовольствия и исламом.

Итак, парадигмальный сценарий воспроизводит патриархальную власть и строгий контроль над женской сексуальностью. Однако информантами описываются и модернизированные практики, которые имманентно вписаны в повседневную жизнь – это совместное обучение мальчиков и девочек в школе и в вузах, взаимодействие мужчин и женщин в публичных местах (работа, торговля, досуг), репродуктивный контроль над рождаемостью («абортная культура»), возможность разводов. При заключении браков учитываются модернизационные характеристики. В парадигмальном сценарии модернизационные тенденции репрезентируются как фоновые, не меняющие основу патриархального уклада жизни. Однако, хотя патриархальная традиция и сохраняется, границы допустимого становятся подвижными. У женщин появляется выбор и пространство для маневрирования в ситуациях разнонаправленного принуждения, когда семья и сообщество ожидают от них эксклюзивно домашней роли, а государство ожидает выполнения производственной роли (в колхозах, на хлопковых полях, в образовании, в здравоохранении).

2.2. Советизированный сценарий: «как это, я, комсомолец, буду платить калым?!»

В советское время происходят изменения, касающиеся организации гендерного порядка и сексуальной сферы. В рассказах некоторых русифицированных образованных таджикских женщин отклонения от нормы репрезентированы как систематические. Эти женщины противопоставляют русифицированную среду и советскую идентичность национальной традиции. Они описывают себя как нетипичных, а свои практики – как более свободные по сравнению с традиционными (то есть с парадигмальным сценарием).

Традиционные патриархальные структуры, воспроизводимые в советский период, испытывали постоянное воздействие трансформационных факторов: занятости женщин в публичной сфере, высокой социальной мобильности и межнациональных взаимодействий. Образование и занятость женщин имели массовый характер в СССР, их заработок был важен для семейного бюджета и в Таджикистане. Говорит женщина о 1980-х годах: *когда ей [дочери] исполнилось три месяца, свекровка хотела, чтобы я вышла на работу, она очень любила ... деньги. Она говорит: «Выйди на работу...*

¹ Например, марокканский социолог Ф. Мерниси, анализируя регулирование женской сексуальности в мусульманском социальном порядке, на основе семейного законодательства в Марокко показывает важность сексуального удовлетворения обоих супругов [Mernissi, 1987. P. 58–60].

я буду присматривать за ребенком» (40 лет). Работа в публичной сфере (гендерный контракт «работающая мать») была характерна и для поколения женщин, родившихся в 1960–1970 годы, и для их матерей. Хотя в основном работа женщин имела вторичный статус и контролировалась расширенной семьей, женщины иногда делали карьеру, имели заработок, общались за пределами дома. Говорит женщина: *я не могу сидеть дома. Это моя инициатива, можно было сидеть дома... но я не могу... А свекрови у нас чаще всего работают, моя – почти семьдесят ей – полторы-две ставки в школе. Это тоже такая категория – не буду сидеть дома* (38 лет). Значительное число женщин было занято в здравоохранении и образовании, то есть в массовых профессиях советского времени, которые составляли прослойку среднего класса (советской интеллигенции). В этих слоях образование и занятость женщин становились привычными практиками, которые обеспечивали женщин материальными ресурсами, профессиональным статусом и некоторой независимостью. Г. Вигманн, изучавшая государственное строительство в Таджикистане, так описывает данный слой: «Женщины как часть национальной интеллигенции – феномен советского времени..., все они имели высшее образование, профессию и соответственно занимались общественным трудом. Многие из них хорошо владели русским языком, который давал им возможность занять более выгодные позиции в советской социальной иерархии» [Вигманн, 2005. С. 164–165].

Высокий уровень социально-территориальной мобильности в СССР (передвижение с родителями, обучение в вузах, служба в армии, распределение после вузов, командировки, туризм) создавал условия для межнационального общения, для разрушения правил межродовых обменов. Молодежь переезжала из деревни в город, уезжала на обучение в другие республики, отрываясь от семейного контроля. Возникали полиэтнические территориальные образования, в которых таджики(-чки) оказывались с детства в русскоговорящей среде, их родители жили в нуклеарных семьях, обучались за пределами республики, матери работали, дети посещали русские детские сады, свободно общались с друзьями и пр. В 1970–1980-е годы в городах, в образованных слоях, иногда осуществлялся самостоятельный выбор супругов – «браки по любви», допускались «комсомольские свадьбы» и разводы, раздельное проживание поколений. О своих родителях рассказывает женщина (история начала 1960-х годов): *Мои родители – это уникальный случай, они два года встречались в К. [город в другой республике], то есть папа ехал отсюда в К, мама приехала в К. Они переписывались ... папа у меня был комсомолец.... Как это я, комсомолец, буду платить калым?! В общем, два года эта история длилась, туда сваты сюда – обратно, в общем, через два года они поженились... Они общались, знали друг друга и встречались, у нас так раньше не принято так было* (38 лет). В историях о «браках по любви» существенное место занимают стратегии встраивания в нормативный порядок. Молодые люди должны получить одобрения

родственников, осуществить все ритуалы, – только таким образом их отношения обретут частичную легитимность. Такие пары использовали советскую идеологию и советскую идентичность для легитимации «отклонений»: *комсомолец отказывается платить калым*. Как указывает С. Касымова, свободный выбор супруга имел политический характер как важный компонент эмансипации мусульманской женщины [Касымова, 2004]. Советская идентичность становилась ресурсом в публичной сфере (для карьеры), она могла быть использована и в приватной жизни.

Межнациональные взаимодействия и городская среда порождали более гибкие нормы гендерного порядка. В рассказах информантов в качестве *иных* норм и практик репрезентируется русифицированное сообщество. Такую среду информанты описывают как *другую*: [У нас] *чисто советская семья...*, *мы были очень обрусевшие, не просто потому, что мы очень хорошо говорим на русском, мы во всех взглядах были обрусевшие* (38 лет). Иногда русификация интерпретируется как синоним европеизации: *Может быть... европеизация или это такая политика: русский язык... знание русского языка была первой необходимостью... И человек, который не знал русского языка, он не продвигался вперед* (55 лет). Модернизированные советские, русифицированные практики и идентичности часто обозначают отклонения от традиционализма, от *«того, что здесь принято»* (27 лет). Изменяется и гендерный порядок, половозрастная субординация и *безусловное уважение к старшим* становится проблемой.

Такой модернизированный гендерный порядок остается маргинальным и некогерентным, сценарий жизни – неопределенным. Однако возможно выделить несколько его главных отличий от доминирующего. Центральной категорией становится категория «свободы». Информанты говорят о том, что в их среде было больше свободы в поведении, в стиле одежды, в общении детей и подростков, гораздо большие вариации существуют в исполнении гендерного дисплея, менее выражена гендерная сегрегация. *Поскольку я выросла немножечко в другой ситуации, для меня это абсолютно норма, что-то одеть, [а] здесь какие-то лимиты наложены, ограничения... [у нас] одежда и стиль, и походка [другие]... в основном, с мальчиками выросли, и игры у нас были мальчишеские* (27 лет). Проявление эмоциональности и чувств в семье является более открытым: *У моих родителей было все по-другому... я один раз застала их в кухне, там папа чуть ли не прижал маму к стенке. Видимо, у моих родителей немножко уже свободней был взгляд* (30 лет). Истории отношений в браке часто имеют оптимистический тон. Они могут включать установку на проявление чувств и заботы друг о друге, заинтересованность мужа в сексуальном удовлетворении жены.

Браки в основном заключаются традиционно (по согласию родителей), девственность сохраняется до брака, однако отношения с женихом более свободные: *после того они засватали нас... мы общались, мы встречались, то есть мы более свободно себя вели, чем это принято* (38 лет). В семьях

уменьшается число детей, после второго ребенка дальнейшее деторождение является предметом обсуждения (часто – разногласий) и принятия решения супругами.

Следствием более свободного воспитания и больших вариаций становится отказ от безусловного подчинения старшим, появляется «право» собственного мнения и его выражения: [Я не согласна с тем], *что нельзя со взрослыми [спорить]... мнение старшего ...правильно, и много не может быть. Я могу себе позволить со свекровью спорить, если я права... И с начальством на работе, вот начальник сказал и все, если я не считаю, что правильно, я могу высказаться* (38 лет). Однако кризис легитимности половозрастных иерархий не обретает тотального характера, напротив, специальные усилия прилагаются для демонстрации властных отношений, составляющих основу нормативного порядка. Власть мужа перестает быть безусловной, однако сохраняется потребность в ее традиционной репрезентации. Рассмотрим два случая.

Случай 1. Жена (работает, двое детей) принимает основные решения и считает себя главой семьи, однако скрывает это от мужа и окружающих: *Я генерирую все идеи, потом эти идеи исходят от него, конечно, но это мои идеи. Он решает, что он так сделает, хотя он, видимо, не замечает, что я ему подкинула. Я решила, что ему нужно [делать], но он согласился с этим* (40 лет).

Случай 2. Молодую жену (работает, двое детей) более опытные родственницы обучают необходимости изображать подчинение мужу, в результате чего ей становятся очевидными манипулятивные механизмы отношений. *Он обожает, когда он заходит домой, когда все не просто встают, а скакавают, подпрыгивают с места... опытные умные женщины, они готовы подпрыгивать, как на пружине, только в его присутствии, а потом когда его нет, они делают, что хотят. ... Свекровь говорит, «ты хитри, ну что ты за человек»* (30 лет). Мужчины ожидают от женщин покорности, и опытные женщины умеют ее изображать.

В позднесоветский период относительная либерализация гендерного порядка в обществе способствовала изменению супружеских и сексуальных практик определенных слоев городского образованного населения. Однако не сформировалось единого сексуального поколения, разделяющего общие нормы. Разные социальные слои, которые осуществляли разные практики, не пересекались друг с другом из-за публичного умолчания сексуальности и отсутствия информационного обмена между социальными группами [Rotkirch, 2000. P. 167–170]. В СССР, несмотря на общие модернизационные процессы, существовали различные гендерные и сексуальные культуры. Знание о них имело практический характер, то есть оно проникало в другую среду при эпизодических или систематических взаимодействиях представителей разных сред в приватной жизни. В Таджикистане, на основе рассказов информантов, мы реконструировали периферию гендерного порядка, где русифици-

рованные образованные слои осуществляли более свободные практики, оспаривающие патриархальную власть, при этом выполнялись центральные правила – сохранение добрачной девственности, субординации отношений в семье. Социальные и символические границы между рассмотренными сценариями были проницаемыми. Однако в позднесоветский период существовали и альтернативные практики сегрегированного социального и этнического сообщества, о котором рассказывали русские информанты.

2.3. Автономизация сексуальности: «наши отношения начались задолго до свадьбы»

Елена рассказывает о своих русских родственниках, родившихся и проживавших в советское время в Северном Таджикистане. Их родители, попав туда по распределению, занимали высокое положение. К. и Т. принадлежат к возрастной когорте 1950-х – 1960-х годов рождения, для которой в России была характерна «поведенческая сексуальная революция». *Я знаю, что у К. была связь до брака сексуальная. То есть она два раза... М. – это ее второй муж. До этого она там за кого-то выходила замуж... у меня Т. был не первый мужчина, и я у него была не первая женщина. И наши отношения, конечно, начались задолго до свадьбы (50 лет).* Такие сексуальные практики близки к практикам городского образованного населения в России позднесоветского периода. В публичных взаимодействиях некоренное население в основном придерживалось общепринятых норм (например, не приветствовалась «вызывающая одежда»), свободы, которые вступали в противоречие не только с национальными, но и с официальными нормами советского режима, публично не демонстрировались. Интимно-сексуальные практики не являлись предметом информационного обмена ни в обществе в целом, ни между этническими группами в частности. Приватные сферы этнических групп были отделены друг от друга. Елена рассказывает про свою родственницу, которая говорила: *Несмотря на то, что с некоторыми таджичками я работаю, ну, вот, всю жизнь, я никогда ... не была у них дома, и меня никогда к ним не пригласят.*

Харрис считает, что данные группы соприкасались довольно редко, вплоть до настоящего времени они живут в разных сообществах, взаимодействуя только в школах и на рабочих местах [Harris, 2004. P. 174]. Тем не менее среды не были абсолютно непроницаемыми. О. Руа, исследуя национальное строительство в Центральной Азии, отмечает значительную сегрегированность этнических сообществ, однако, с его точки зрения, это не означало, что «два общества жили отдельно друг от друга» [Roy, 2000. P. 82]. Существовало множество сфер, где люди постоянно взаимодействовали: на работе, в общественной деятельности, на официальных мероприятиях, проживая в одном многоквартирном доме и пр. *Европейская культура – это русская культура пропитывала нас. И общение [профессиональное] на русском, и документация (55 лет).* Взаимодействия в основном

происходили в «европеизированном» пространстве, которое оставляли этнические русские, евреи, немцы и пр. В результате коренное население организовывало свою жизнь на основании двойных кодов, поскольку существовало два социальных мира, к которым они принадлежали. Основными агентами взаимодействия в публичной сфере являются мужчины, и поэтому именно они являлись носителями двойных норм, поддерживая модернистские нормы в публичной сфере, и традиционалистские – в приватной [Kasymova, 2002]. Однако и женщины (по крайней мере, городские), вовлеченные как в публичную сферу, так и в повседневные взаимодействия (например, с соседями другой национальности), находились в системе двойных норм. На уровне приватной сферы взаимодействия способствовали межнациональные браки, хотя они были достаточно редкими. Говорят информанты: *Чаще были браки, когда русская женщина выходила замуж за таджика... Потому что русского населения мужского там не так много (50 лет). Многие партийные работники были женаты на русских... тогда это было престижно... на факультете тоже были случаи и сейчас есть (55 лет)*¹.

Кроме того, межэтнические взаимодействия зависели от принадлежности к определенному социальному слою. Елена рассказывает, что ее семья общалась с европеизированными / русифицированными образованными таджиками, проживающими вместе с ними в «номенклатурном» доме, многие из которых состояли в межнациональных браках. Она приводит пример супружеской пары. Мать мужа – русская, отец таджик (оба имели ученые степени), жена – наполовину татарка, наполовину узбечка (ее родители принадлежали к номенклатуре). *Это была европеизированная семья, с той только разницей, что папа дома ходил в традиционном халате, что наряду с дорогой мебелью, а с чешской или с румынской, советских времен, все в хрусталях, – у них еще были матрасики... жена одевалась очень модно... брюки-галифе, шляпы плетеные... Русский она знала как ... родной язык...* Эти женщины выполняли роли «работающих матерей». Данная роль была интериоризована, выступала важным компонентом идентичности и обеспечивала самостоятельный статус «хозяйки судьбы» [Мягкая, 2005. С. 173]. Одновременно семейные роли оставались для них важнейшими.

Представим выводы о гендерном устройстве в советском Таджикистане в виде таблицы 1, обратив внимание на многослойность данного порядка с точки зрения гендерных контрактов, отношений власти, степени гендерной сегрегации публичной и приватной сфер, степени автономизации сферы сексуальности. На основе исследования выделено три уровня гендерного порядка, которым соответствуют разные этнические идентификации и ключевые культурные коды гендерных отношений.

¹ Отметим, что не всегда женитьбы на русских женщинах была связана с «европеизацией» мужчин. Напротив, исследователи приводят примеры «таджикизации» русских женщин, особенно проживающих в селах – см.: [Мягкая, 2005].

Таблица 1

Гендерный порядок позднесоветского периода
(Северный Таджикистан)

<i>Компоненты гендерного порядка</i>	<i>Ядро гендерного порядка – парадигмальный сценарий</i>	<i>Периферия гендерного порядка – советизированный сценарий</i>	<i>Альтернативный сценарий</i>
Гендерный контракт	Многодетная мать в патриархальной семье с частичной оплачиваемой занятостью	Многодетная мать с постоянной занятостью в оплачиваемом труде	Работающая мать
Ключевой культурный код гендерных отношений	«Уважение к старшим и мужчинам»	«Уважение к старшим и мужчинам» как проблематичное	Баланс женских ролей (сочетание ролей матери и работницы)
Этническая идентификация	Национальная – таджики, узбеки Противостояние русификации Традиционализм – ресурс	Русифицированные / советизированные таджики, узбеки Русификация – ресурс	Советская европеизированная идентичность, межнациональные взаимодействия
Основные агенты / институты регуляции гендерного контракта	Патриархальная семья, сообщество	Патриархальная семья, сообщество, советское государство	Советское государство, неформальные сети
Отношения власти	Жесткая половозрастная субординация в рамках патриархальной семьи	Ослабевающая половозрастная иерархия в патриархальной семье и в условиях этатократической гендерной политики	Иерархия в условиях этатократической гендерной политики
Гендерная сегрегация публичного и приватного пространства	Жесткая, ограниченный доступ женщин в публичную сферу	Смягченная, доступ женщин в публичную сферу в сегрегированные области (образование, медицина)	Доступ в публичной сфере в роли работающей матери
Сфера сексуальности	Семейно-прональная сексуальность, подчиненная потребностям рода	Долг жены, тенденция к интимизации отношений в паре	Поведенческая сексуальная революция, автономизация сексуальной сферы

Итак, гендерный порядок применительно к национальному контексту может быть помыслен как состоящий из нескольких слоев. Его ядро составляли патриархальные ценности и женская пронатальная сексуальность в этнической таджикской / узбекской среде. Женщина подчинена вертикальным иерархиям расширенной семьи (старшим и мужчинам) и горизонтальным сетям сообщества. «Уважение к старшим и к мужчинам» как основа гендерной этнической идентичности обеспечивает передачу и воспроизводство практик и ценностей. Гендерный контракт многодетной семьи поддерживается сообществом, однако и в нем женщина была агентом советского контракта «работающая мать», выполняла обязанности (была частично вовлечена в публичную сферу) и пользовалась правами (разводилась, делала аборт, жила в государственных квартирах) и льготами (как многодетная мать) советской гражданки.

На периферии гендерного порядка существовали значительные отклонения от патриархальных норм, которые возникли вследствие советской модернизации и эмансипации. Разрушение традиции в приватной сфере не было успешным, однако многие компоненты советских структур и идеологии проникали в повседневность. Возникла идентичность советского человека (в том числе гендерно маркированная), придерживающегося некоторых свобод, легитимированных коммунистической идеологией и поддерживаемых государством. Чаще всего эта идентичность формировалась в русифицированной межнациональной среде. Гендерный контракт допускал работу и карьеру женщины в публичной сфере (в первую очередь в образовании и здравоохранении), которая при этом не должна препятствовать основной роли – материнству.

Европеизированная (русская) среда выступала носителем гендерных норм и практик соответствующих контракту «работающая мать». Сексуальная свобода женщин, характерная для этой среды, не распространялась на другие среды.

К вопросу о функциональности патриархата

Перед тем, как перейти к анализу постсоветской трансформации гендерного порядка, мне бы хотелось кратко остановиться на одной проблеме, активно обсуждаемой в западной и феминистской литературе в последние десятилетия, особенно в связи с тематикой мультикультурализма. Многие исследователи, находясь «западнее» (в географическом и / или культурном смысле) объекта своего исследования, исходят из прогрессивности модернизации и индивидуализации, в частности в области гендерных отношений. По всей вероятности, я тоже принадлежу к числу тех исследователей, которые чаще всего оставляют в стороне вопрос о том, какие преимущества получает женщина в системе патриархальных отношений. В данном случае, анализируя гендерный порядок в советском Таджикистане, я вижу много таких преимуществ. По сравнению с российской женщиной позднесоветского периода, от

таджикской женщины не ожидалась постоянная ответственность за материальное обеспечение семьи, она не должна была обеспечивать детей, будучи одинокой матерью. Российская женщина выполняла «долг» перед государством – для него рожала детей, работала, занималась общественной работой, мотив «обязанностей» и «ответственности» был одним из центральных в ее жизни. Она выстраивала многочисленные стратегии для того, чтобы обеспечить быт в условиях тотального потребительского дефицита. Таджикская женщина, напротив, не должна была решать этих проблем, как и дилемму баланса ролей – совмещения работы (карьеры) с домохозяйством (об этом также пишет Касымова, показывая отличия от российского варианта «работающая мать»: [Касымова, 2004]); она не сталкивалась или сталкивалась крайне редко с феноменом «отсутствующих» отцов, алкоголизмом, «кризисом маскулинности». Для российских женщин мотив «отсутствия настоящих мужчин», которые являются добытчиком, «каменной стеной», принимают решения и несут ответственность, был и остается центральным в нарративах. В настоящее время к этому добавляется еще и высокий уровень экономической состоятельности мужчины, его привлекательность и сексуальность.

Женщина в Таджикистане находилась в системе физической и экономической безопасности в сетях родства и сообщества, была во многом защищена от вмешательства государства в жизнь семьи и непредсказуемости своей семейной жизни и жизни детей. Обретая власть в ходе жизненного цикла, она оказывала влияние на важнейшие события семьи и сообщества. Ей было обеспечено уважение и поддержка в старости. Иными словами, патриархальная система, даже модернизированная советским государством, оставалась сильной системой защиты. Однако разрушаясь в постсоветский период, она может оставить слабых агентов без каких-либо ресурсов, если они не получают поддержку от других агентов (например, от государства, общественных движений, международного сообщества) или не начинают самостоятельно выстраивать успешные жизненные стратегии. Слабыми агентами могут оказаться не только женщины (молодые женщины окажутся среди слабых с большой долей вероятности как не имеющие достаточных ресурсов – навыков, времени – для работы в публичной сфере и для автономного поддержания домохозяйства и материнства), но и мужчины (теряющие возможности заработка из-за структурных изменений публичной сферы), а также пожилые люди, теряющие уважение и поддержку семьи.

3. Постсоветский гендерный порядок: брак по согласию родителей, короткая юбка и / или многоженство?

В настоящее время изменения гендерного порядка в Таджикистане находятся под влиянием экономических и политических трансформаций и последствий гражданской войны, ослабления советской государственной гендерной политики. Изменение основных структур оказывает влияние на

гендерные роли и идентичности. Осуществление национального строительства не является гендерно нейтральным. Образ «правильной» женщины-таджички (как и мужчины-таджика), ее роль в передаче культуры от поколения к поколению является важной (хотя и не всегда явной) составляющей национального проекта. Утрачивает свое значение советская идентичность, изменился статус русифицированной прослойки, хотя влияние советской модернизации остается значительным. Одновременно усиливаются национальные ценности и идентичности.

В современных исследованиях гендерных отношений в Таджикистане фиксируется усиление, с одной стороны, патриархальных тенденций, с другой – модернизационных [см. Бозрикова, 2002; Вигманн, 2005; Касьмова, 2005; Касьмова, 2006; Шоисматуллоев, 2004; Harris, 2004; про Центральную Азию – Akiner, 1997]. «Укрепляются позиции светского, европеизированного образа жизни, унаследованного от советского периода, с другой стороны, усиливаются процессы репатриархализации общественных отношений... Новый порядок включает в себя и традиционные патриархатные элементы гендерных отношений, и советские нормы, и новые нетрадиционные характеристики мужских и женских ролей» [Касьмова, 2005. С. 193]. В процессе экономических инволюций, которые переживает современный Таджикистан, отмечается усиление патриархата. Опора на семейно-родственные связи считается главным способом выживания в тяжелых экономических условиях при сокращении государственной поддержки занятости. Соответственно по сравнению с эмансипацией женщины советского времени отмечается регресс и большая распространенность практик дискриминации. В частности, М. Махмаджанова пишет: «Развал экономики в постсоветском пространстве создал условия для усиления традиционных представлений о женщине..., возвращение к религиозным традициям и предрассудкам, восстанавливающим национальный имидж восточной женщины, помогает держать ее в зоне тотального контроля» [Махмаджанова, 2002. С. 162]. Усиливается сельская и локальные традиции в городах из-за оттока из страны интеллигенции и элиты [Идиев, 2003].

Однако усиление патриархата не является единственной тенденцией. К контртенденциям относят наследие советского времени (работу женщин в публичной сфере, достаточно высокий уровень образования населения), вынужденную экономическую активность женщин, освоение ими новых сфер занятости. При потере кормильца (из-за войны, миграций) или при утрате мужчиной возможности выполнять эти функции женщина вынуждена активизировать свои действия в качестве добытчика. В настоящее время, без поддержки государства, традиционные гендерные роли находятся под угрозой, мужчина не может эффективно выполнять роль добытчика, женщина – роль многодетной матери и домашней хозяйки. Бывшие домохозяйки становятся вынужденно работающими, хотя семьи сопротивляются выходу женщины в публичную сферу. Сохраняются и практики занятости

женщин из образованных слоев в публичной сфере (в здравоохранении и образовании). В ходе строительства национального государства контракт «работающей матери» получает распространение и среди нового среднего класса, в том числе среди работающих на престижных местах женщин – в НКО, бизнесе [Вигманн, 2005. С. 172]. Исследователи отмечают появление новых форм семейно-брачных отношений – гражданский брак, осознанное безбрачие, активность женщины при выборе партнера [Касымова, 2004]. В обществе заметно присутствие и распространение идеологии *развития* и на уровне повседневности, где циркулирует дискурс о правах женщин, гендерном равенстве и пр. В последние годы возрастает роль государства в поддержании гендерного равенства в стране и в противодействии традиционализму (в частности, государство через специальные программы поддерживают образование девушек из сельской местности).

Констатация противоположных тенденций порождает у исследователей вопрос о том, что является более адекватной рамкой для структурирования данных процессов – «европеизация» (и, соответственно, рост независимости женщин и усиление их позиций в обществе) или «исламизация» (и, соответственно, усиление патриархата). Исследователи утверждают, что в обществе существуют устойчивые социальные структуры, которые поддерживают не только физическое выживание, но и относительную стабильность. Этими структурами являются расширенные семьи, родственные и соседские отношения [Akiner, 1997; Roy, 2000; Harris, 2004].

В соответствии с феминистским прочтением теорий национализма, позиционирование женщины в национальном проекте зависит от варианта доминирующей интерпретации нации – как родства, как культуры, как гражданства [Юваль-Дейвис, 2001; Yuval-Davis and Anthias, 1989; Уолби, 2002]. Как полагают некоторые исследователи, существуют сообщества, в которых национальный проект опирается на хабитус или код, который оперирует на разных уровнях общества. Руа применительно к Центральной Азии относит к этому коду повседневные практики, связанные с браками, персональными отношениями и пр. [Roy, 2000. P. XIV]. Традиция и семейно-родственные отношения, воплощенные в рутинные повседневные практики, составляют основу национальной идентичности [Roy, 2000. P. XI].

Такая система была модернизирована в советский период. Структурные изменения, русификация публичной сферы и интериоризация советской идентичности создали возможности для реконфигурации некоторых правил, которые, однако, были периферийными и не затрагивали основного ядра групповой солидарности, основанной на матримониальных стратегиях. Происхождение при заключении брака оставалось важнейшим критерием, поскольку солидарные сети имеют территориальную (региональную) воплощенность. Этническая идентичность артикулировалась через региональное / родовое происхождение и повседневные гендерно маркированные практики. Она поддерживала границу в отношении советизации / русификации, но при

этом испытывала сильное воздействие советской модернизации. В настоящее время разрушается советская идентичность и советские структуры, этническая идентичность трансформируется в национальную. Это, однако, означает не только усиление влияния патриархальных компонентов этнической традиции, но и новый этап ее модернизации.

Обратимся теперь к вопросу о том, в чем заключаются изменения гендерного порядка с точки зрения информантов. Рассказчицы считают, что постепенно происходит прогресс, люди становятся более «современными», мужчины – более толерантными, на женщину накладывается меньше запретов (в общении, работе, заработке, выражении собственного мнения). *Старшие поколения... женщину за человека вообще не считали... Сейчас уже улучшения ощущаются... В городе они [мужчины] более-менее современны, более понятливы, могут отпускать на работу, она [женщина] имеет право работать, зарабатывать деньги, какое-то право на свое слово* (24 года).

Как уже указывалось, ядро патриархального гендерного порядка, реконструированное в предыдущем параграфе, во многом воспроизводится и в настоящее время. Однако его граница становится более подвижной. С одной стороны, открыто допускается многоженство, ранние и насильственные браки, отмечается усиление исламских традиций, с другой – легитимными становятся массовая занятость женщин, свобода для детей, вариативность гендерного дисплея, сексуализация женственности.

По некоторым вопросам в обществе существуют конвенции – к ним относятся обязательная добрачная девственность, заключение брака по согласию родителей, главенство мужа в семье. Однако по многим вопросам конвенции нет, традиционные правила проблематизируются в повседневности, даже если происходит фактическое подчинение им. Изменения практик часто становятся предметом переговоров и конфликтов между супругами и поколениями. В интервью репрезентируются разные нормы и сценарии, которые касаются карьеры и заработка женщины, судьбы женщины в случае развода, воспитания детей и пр. Большое значение придается гендерному дисплею, короткая юбка обсуждается как признак современности, а паранджа – как признак архаического прошлого или возрождения радикального ислама. Рассмотрим альтернативы, которые озвучивают женщины и мужчины. Метафорически эти альтернативы можно резюмировать в следующем вопросе: «Брак по согласию родителей, короткая юбка или / и многоженство?»

Воспитание детей: подчинение или свобода?

Диапазон отношения к будущему детей варьирует от допущения того, что дочь может вообще не выйти замуж, и поэтому она должна быть экономически независимой, – до установки на выбор жениха родителями, при котором мнение дочери будет учитываться. В первом случае свободная и активная женщина репрезентируется как идеальная модель. *Не известно, как*

она [дочь] замуж выйдет, и как ей придется в семье, она должна уметь себя содержать, чтобы не зависеть материально от кого-то. Или если вдруг она не выйдет замуж, бывает все (38 лет). Разведенные молодые женщины хотели бы познакомиться с человеком, за которого могли бы выйти замуж, для своих дочерей они предпочитают браки «по любви». Противоположный (смягченный парадигмальный) вариант – жениха должны выбрать родители, добрачные ухаживания вредят репутации семьи, однако важно, чтобы жених любил невесту.

Организация брака: по согласию или по любви?

В предыдущем параграфе были приведены фрагменты рассказов о том, как родители организуют брак девушек и юношей, среди которых есть рассказы молодых информантов. Однако в интервью репрезентированы и рассказы о том, как сын сам нашел невесту, получил ее согласие, а родители одобрили брак. Выбор партнеров «по согласию родителей» остается в начале 2000-х годов обменом статусов, при котором возрастает значимость экономических критериев (эти тенденции отмечают также: [Вигманн, 2005. С. 173; Касымова, 2005. С. 187]). Одновременно все сильнее звучит тема любви в супружеских отношениях, которая становится более значимой не только для мужчин, но и для женщин. Девственность в рассказах в основном не проблематизирована. Добрачный секс оценивается как путь к разрушению семьи и, возможно, – к проституции: *Сейчас уже бывают [добрачные сексуальные отношения], если и даже выходят замуж, бывает такое, и разводятся, бывает, что они проститутками становятся... Но в основном, приличные семьи как-то стараются, чтобы девушка была девственницей (24 года)*¹.

Способы заключения браков как важнейшего механизма поддержания солидарности в сообществе в основном остаются традиционными. Одновременно более явно звучат «модернизационные» мотивации брака – экономические и романтические, в то время как происхождение (регион, род, этническая группа) отчасти теряет свое значение. Судьба женщин, ранее тождественная браку, становится не настолько очевидной и предзаданной. Озвучиваются стратегии, которые создают условия для альтернативных сценариев – в частности, некоторые молодые люди, территориально отделенные от семьи, дистанцируются от ее контроля. Информантка рассказывает о молодой женщине, которая уехала в Бишкек. Она говорит: *«Замуж? – говорит, – может и выйду там, в Бишкеке, за кого-нибудь, за таджика я не собираюсь... у наших мужчин такие [взгляды], что я уже не смогу жить с таким»... знает, что она хорошо будет зарабатывать, и как-то замуж выйти она и не стремится (24 года)*. Замужество в этом случае перестает оцениваться как поворотный пункт женской биографии, исчезает

¹ В личных беседах мне рассказывали об операциях по восстановлению девственности, однако эта тема не имеет широкой циркуляции.

ориентация на моноэтнический брак, а родители перестают восприниматься как центральная инстанция контроля.

Жизнь в браке: безусловно ли подчинение женщин?

В целом правило подчинения старшему поколению и мужу сохраняется, но оно перестает быть безусловным. Муж описывается в рассказах как более важный агент контроля, однако подчинение ему перестает быть безусловным, оно зависит от экономической состоятельности мужчины. Одна информантка рассказывает, что муж, имеющий низкий и нерегулярный доход, препятствовал ее карьере, пытался контролировать ее внешний вид. Она, однако, не подчинялась требованиям, поскольку муж был не в состоянии купить ей соответствующую одежду. Она тратила свои деньги, и сама выбирала себе вещи.

Традиционные правила включают многодетность, однако распространенной практикой образованных супружеских пар становится отложенное деторождение (например, до окончания учебы) и ограничение числа детей. Причины связаны с возрастанием индивидуальной ценности ребенка. Препятствуют высокие требования к обеспечению и образованию детей: *больше не буду рожать, двоих бы поднять и нормально... нормальных детей [надо] воспитать в достатке, дать нормальное образование... (40 лет)*.

В основном сохраняется достаточно жесткое разделение труда по признаку пола, часто требования к мужчине как к добытчику, а к жене – как домохозяйке усиливаются: *Муж знает, что он должен семью обеспечивать, что он мужчина (24 года)*. Однако данные правила нарушаются, возникают другие модели разделения труда. Одно из центральных нарушений – невыполнение мужем экономических обязательств перед семьей, связанное с низкими и нерегулярными заработками, безработицей, алкоголизмом, наркоманией. Как следствие – семью содержит жена, что либо приводит к острым конфликтам, вплоть до разводов, либо женщины выстраивают специальные стратегии, вписывающие изменения ролей в нормативный гендерный порядок. *Если я в течение нескольких лет зарабатывала на порядок больше его, все равно финансовую сторону он решал, у нас всегда всеми деньгами он распоряжался, мне, в принципе, это нравится. Мужчина должен быть мужчиной (40 лет)*. Другие модели разделения труда между приватной и публичной сферой – это модель двух работающих супругов, ориентация женщины на заработок и карьеру. При этом домохозяйство остается женской ответственностью. Однако ситуация иногда меняется, и мужчины начинают выполнять те роли, которые раньше были жестко приписаны женщине: *Мои мужчины: свекор и муж, они могут все, если я завтра собираюсь в командировку на неделю, я спокойно еду, я знаю, что дети будут под присмотром, накормлены, обуты, одеты – сто процентов (40 лет)*.

Стиль одежды и общение – важнейший предмет конфликтов и переговоров между супругами. Женщины часто говорят о том, что они хотели бы

иметь большую свободу, однако продолжают подчиняться правилам сообщества, контролируемым мужьями. Информантке тридцати лет хотелось бы носить открытое платье, однако муж не допускает этого: *У нас... мужчины национальны... здесь одевать это, по-моему [невозможно]... Если бы была атмосфера такая европейская, то он у меня не против, но так одевать и быть в центре, у нас мужики это не хотят.* С другой стороны, допускаются значительные свободы, например: *[В нашем браке] во всяких ситуациях понимание есть, например, нельзя идти туда, такого у нас нету, мы понимаем, поддерживаем друг друга...* (31 год). В приватной сфере существуют значительные вариации. Приемлем свободный стиль, особенно в отсутствии старшего поколения: *У нас есть такая установка, отца дома нету, хоть в шортах ходи* (40 лет). Возможность носить короткую юбку оценивается информантками как признак *цивилизованности и европеизированности*, однако этими возможностями можно пользоваться только в условиях, скрытых от основных агентов контроля (старшего поколения и постороннего наблюдателя). Короткая юбка – часто возникающая тема в рассказах, символически обозначающая границу патриархата, традиции и национального контекста¹.

Еще одна проблема, существовавшая и в советские времена, обострилась в настоящее время. Это проблема разводов, по отношению к которым высказываются различные точки зрения. Одни информантки считают развод не допустимым, они полагают, что ради репутации родителей и будущего их детей можно примириться даже с физическим насилием со стороны мужа. Иначе развод оборачивается трагедией и утратой жизненных шансов. Разведенная женщина тридцати лет говорит о том, что на устройство нормальной семейной жизни нет шансов не только у нее, но и ее дочери, поскольку для «хорошего» брака необходимо благополучие родительской семьи. Другая точка зрения – после развода возникают новые возможности, в том числе возможность стать независимой. *Когда женщина разведется, ... она себя распознает... расцветает во всем. Она начинает понимать, что тоже может принести пользу, что она ... может добиваться чего-то* (27 лет). Женщина может открыто завести любовника, надеть короткую юбку, проигнорировав мнение сообщества: *А если обращать внимание на все, то нужно будет наплевать на себя, нужно будет в парандже ходить* (27 лет).

Для принятия решения о разводе значимой является поддержка родственников, в последнее время особо важными стали экономические условия развода. Женщина может развестись, если она экономически самостоятельна

¹ В апреле 2004 года, достаточно жарком месяце, я не видела ни одной женщины в Худжанде в короткой юбке. Широко распространен европейский стиль одежды, допускающий брюки и юбки до колен. Традиционную одежду чаще носят женщины старших возрастных групп. Молодые женщины иногда носят модную одежду, использующие национальные мотивы и фасоны. Я также не встретила ни одной женщины с закрытым лицом. Ношение девочками платков в соответствии с предписаниями ислама стало причиной отстранения их от занятий в одной из школ Худжанда [Насруллоев, 2005].

или может рассчитывать на помощь своих родственников. Иначе, не имея достаточно заработка, при наличии 3–4 детей, она не может обеспечить себя и детей. Информантка И., 27 лет, рассказывает, что ее родители и родственники взяли на себя материальную ответственность и поддержали ее развод. Отец купил И. квартиру, сестры помогают воспитывать ребенка. После развода она сделала карьеру и начала хорошо зарабатывать. Отец считает, что неудачный брак дочери – это его ошибка, поскольку он выбирал для нее мужа, и разрешает ей самостоятельно устраивать свою судьбу, личную жизнь. Таким образом, складывается своеобразная политэкономия брака-развода, во многом детерминированного экономическими отношениями между женщиной, старшим поколением (родительской семьей и семьей мужа) и мужчинами-добытчиками. Информанты указывают на существование слоя разведенных женщин, которые не могут себя обеспечивать, у них нет навыка и возможности выполнения роли добытчика, которая ожидается обществом только от мужчины. После развода возникают специальные стратегии: *Они имеют несколько любовников. Но они не проститутки, они просто идут на это чисто из-за материального... они не гулящие, они просто они вынуждены [из-за материальной помощи]... И есть некоторые..., [бывший] муж приходит их материально поддерживает (27 лет).*

Еще одним признаком гендерных изменений является широкая циркуляция в обществе коллективного нарратива *о многоженстве*, латентного в советский период. Исследователи отмечают, что многоженство в классическом виде (проживание нескольких жен под одной крышей – левират) практически прекратило свое существование в советский период. На смену в советское время пришел другой вид многоженства – в виде института тайных любовниц, с которым заключен обряд «никох» [Касымова, 2006б]. Многоженство расценивается как «маркер полноценности и самодостаточности мужской власти» [Касымова, 2005. С. 180]. Оно также связано с тем, что для женщин сексуальная жизнь легитимной является только в браке, и только через этот институт женщины могут «реализовать право на материнство или право на симпатию и любовь к мужчине, который уже женат на другой» [Хегай, 2002. С. 50]. Другая группа «вторых жен» – это сельские одинокие женщины, имеющие детей, вдовы или разведенные, без собственных доходов, которых при- нуждают к замужеству по экономическим причинам.

Информанты (ни одна из них не является «второй женой») упоминают многоженство как показатель гендерных изменений. Они подтверждают, что у «вторых жен» существуют разные мотивации, отношение в обществе к ним неоднозначно. В рассказах информанток положение «вторых жен» близко к тому, что в России было бы названо институтом любовниц, когда любовница женатого мужчины могла родить ребенка, а отцовство могло быть официально признано. Подчеркиваются экономические мотивации: *Она вышла замуж за этого человека, чтобы своих детей устроить. Обеспечить, будущее обеспечить.... В основном это ...по расчету, исходя из экономических*

соображений (55 лет). Многоженство также связывается с традицией (в том числе религиозной). Однако существует и другой тип параллельных браков – браки в местах миграции мужчин. *Бросают мужья... сейчас у нас очень много мужчин в России, очень многие там женятся. Вот когда он уезжал, у него была нормальная семья, были нормальные отношения с женой, а когда приезжает обратно, он уже вообще не смотрит, он вообще не признает свою жену (27 лет).* Харрис упоминает, что жена в России при временных миграциях мужчин из Таджикистана становится значимым ресурсом для обеспечения комфортного существования. Поэтому мужчины являются чувствительными к интимно-сексуальным запросам «русских жен». Возвращаясь в Таджикистан, они перестают быть удовлетворенными отношениями в собственном браке [Harris, 2004. P. 163–164].

Сексуальная сфера: долг жены или практики супружеского удовольствия?

Основные правила традиционной организации сексуальной сферы в основном сохраняются, однако в пределах супружества постепенно происходят изменения. Появляются и становятся доступными источники знаний о сексуальности, секс обсуждается супругами, артикулируется женская сексуальность и практики удовольствия, более широко используется контрацепция, ограничивается и откладывается деторождение, некоторые двойные гендерные стандарты проблематизируются, в частности, измены мужей перестают восприниматься как нормальная практика. Рассмотрим, какие суждения высказывают информанты.

Открытость информационных каналов – телевидение, книги, видеофильмы, Интернет – изменили ситуацию в области знаний о сексуальности, хотя в целом общество остается нерелексивным по отношению к сексуальности. Сексуальность и удовольствие становятся предметом обсуждения в приватной сфере. Как говорит одна информантка, они с мужем *обсуждают сексуальные практики, получаемое удовольствие, подходящее время для секса и пр.: кому что нравится, не нравится, кому что – стоит это делать, не стоит это делать (38 лет)*. У других женщин тоже есть такой опыт, который они оценивают как позитивный: *Сейчас мы разговариваем, обсуждаем это, он говорит, что ты стала уже более цивилизованной женщиной (27 лет)*.

Если в традиционной системе гендерных отношений сексуальная жизнь женщины – это обязанность, связанная с удовлетворением потребностей мужа и воспроизводством, то для некоторых современных женщин сексуальная жизнь становится практикой удовольствия. Это происходит после обретения навыков совместной сексуальной жизни и зависит от заинтересованности мужа в улучшении качества сексуальных отношений. Однако себя они считают исключением: *Да, не типично, чаще всего, знаете, как у нас в обществе. Чаще всего у нас мужья с женами... у них одна поза идет... типично, что мужья не обучают своих жен, им надоедает эта*

обычная поза, и они ходят налево... Просто мне повезло, что мне попался такой муж, и он меня обучал, и он не ходил налево (27 лет).

В современном Таджикистане меняется отношение к неверности мужей. Двойной стандарт становится, с одной стороны, более осязаемым: экономически состоятельный мужчина не только может иметь параллельные связи, но и демонстрирует их как символ престижа и благополучия. Угроза неверности мужей выступает фактором, усиливающим внимание женщин к супружескому сексу. Когда мужа бывают в командировках и на заработках в других странах, с точки зрения информанток, измены становятся практически неизбежными, возрастает риск развода и утраты материальной поддержки. В связи с рисками повышается значение приватной сексуализации женственности – ухода за собой, репрезентации себя как привлекательной современной женщины. С другой стороны, уменьшается терпимость к изменам, особенно со стороны экономически независимых женщин. *Муж [соседки] начал гулять, с какой-то русской женщиной встречаться... она развелась... она хорошо зарабатывает, но говорит: «Надо отстаивать свои права... не надо быть тряпкой» (24 года).*

Среди новых тенденций отмечается то, что сексуальная сфера отделяется от деторождения, способы предохранения от беременности становятся для супружеских пар более значимыми. Инициатором применения контрацептивных средств часто выступает муж. *Аборты ...вредно для женского здоровья. Он [муж] сам мне посоветовал (31 года).* Однако, если мужчина возражает против использования средств предохранения, женщине приходится делать аборт. Говорит молодая женщина: *Я сделала несколько абортов уже... муж не хочет одевать презерватив... давно я пытаюсь, вот спираль мне поставить, он мне тоже не разрешает. ...он говорит, что не чувствует удовольствие (27 лет).* Использование абортов и контрацепции позволяет регулировать деторождение, отделять сексуальную сферу от репродуктивной, однако способ предохранения во многом зависят от мужчин.

В заключение обратимся к контексту национального строительства в современном Таджикистане. Гендерная этническая идентичность¹ таджиков советского времени различалась в разных социальных слоях. В парадигмальном варианте этническая традиция отождествлялась с сельским патриархальным устройством жизни, противостоявшим советизации и модернизации. В русифицированных городских слоях происходила модернизация гендерных отношений – идентичность советского человека (мужчины и женщины) легитимировала нарушения традиций. При этом сохранялись центральные компоненты традиционалистского порядка – контроль над женской

¹ Разумеется, этническая и национальная идентичности являются гораздо более сложными конструктами. Здесь речь идет только о гендерно маркированных компонентах данных идентичностей, хотя часто иногда они оказываются тождественными, особенно для женщин, репрезентирующих свою национальную идентичность через характеристики и свойства приватной сферы.

сексуальностью и подчинение женщины старшим и мужчинам. На современном этапе государственного строительства в Республике Таджикистан гендерная этническая идентичность обретает характер национальной. В ней сохраняется сильные патриархальные компоненты, связанные с ролью семьи, родства, с половозрастными субординациями. Одновременно подчиненное положение женщин начинает утрачивать легитимность. Но альтернатива этому положению не является определенной. На уровне риторики она связана с европеизированным контекстом и категориями «прав» и «свобод». Однако в повседневном опыте гендерно маркированная «свобода» не связана с опытом определенных этнических или религиозных групп, или жителей конкретных регионов (за исключением межнациональной элиты и русских, количество и влияние которых значительно уменьшилось в республике). Это скорее общая ориентация на изменения, связанные с потребностью женщин получать образование, работать, общаться, выстраивать более свободные отношения в семье. Такие потребности артикулируются как «права», составляющие гражданские компоненты национальной идентичности.

Один из важнейших факторов, который обычно упоминается исследователями при обсуждении национального строительства в Центральной Азии в целом и его гендерного измерения, – это возрождение ислама (например, [Akiner, 1997]). В ходе данного исследования, на ограниченном массиве данных, не удалось обнаружить прямого влияния ислама на гендерные практики и идентичности информанток. Рассказы о браке и сексуальных отношениях изобилуют отсылками к *традиции*, ислам упоминается довольно редко, хотя в целом обрядовая сторона ислама стала гораздо более значимой и распространенной по сравнению с советским временем. Тема ислама возникала в интервью при описании многоженства, обряда «никох», стиля одежды. Ислам может быть использован как механизм легитимации патриархата. *Мужчина выше женщины, по-моему, это от ислама ... есть семьи, где, по исламу, женщина должна носить платки, чтобы у нее не было открыто, есть такие семьи, этому очень большое внимание уделяют* (24 года). Некоторые информанты указывают, что роль ислама и обрядов возросла в их жизни по сравнению с советизированным поколением родителей, в отличие от которых они выполняют обряды. Другие говорят о том, что, по сравнению с образом жизни их религиозных родителей, они менее привержены правилам ислама, более свободно одеваются, могут общаться с мужчинами-коллегами. Третьи считают, что ислам не оказывает влияния на их жизнь: *Религиозные праздники мы, конечно, отмечаем, а так нет... только одно название – мусульмане* (27 лет). Мусульманство – это ядро идентичности, в том числе секуляризированной. *Я вообще Корана не знаю. Я молитвы не читаю. Но я по рождению чувствую себя мусульманкой* (50 лет). Это ядро не обязательно и не напрямую связывается с гендерной идентичностью, чаще эта связь опосредована культурной традицией. Нет определенности и в оценке изменений положения женщины, связанной с исламом и со светской тенденцией. В рассказах любая из этих

тенденций может быть оценена как опасная. *Исламская говорит* [женщине]: «Закрывайся!» *Кулябская говорит*: «На все плыви!»... девочка с открытыми плечами сегодня для одной части нонсенс, а для другой нормально (55 лет). Информантка считает, что ислам может окончательно лишит женщин прав, однако другая, противоположная, тенденция ведет к разврату и хаосу.

Итак, политические преобразования, факторы глобализации и советского наследия, формирование рыночной экономики дерутинизируют традиционные гендерные роли. Эти процессы порождают и патриархатные, и эгалитарные тенденции. В настоящее время более свободного циркулирования информации и процессуальности национальной идентичности разнообразные практики (от усиления власти богатых мужчин, диктующих патриархатные нормы, до дистанцирования от семей молодежи, озвучивающей более свободные нормы) обретают легитимный характер и способствуют проблематизации традиционного гендерного порядка.

Представим данный порядок в виде таблицы 2, которая позволит нам показать формы социальной организации сексуальности в различных сегментах гендерного порядка.

Таблица 2

**Гендерный порядок постсоветского периода
(Северный Таджикистан)**

<i>Гендерный контракт</i>	<i>Многодетная домохозяйка</i>	<i>Вынужденно работающая мать</i>	<i>Работающая мать как проект</i>
Основные агенты / институты-регуляторы гендерного контракта	Экономически успешный мужчина, патриархальная семья, сообщество	Патриархальная семья, рынок, сообщество	Рынок, сфера занятости (НГО, образование), патриархатная модернизированная семья
Отношения власти	Усиление зависимости женщины, многоженство, подчиненное положение детей	Уменьшение зависимости женщины, но без легитимного статуса Правила взаимодействий переопределяются ситуационно и вынужденно	Частичная либерализация, постановка проблемы о правах женщин, относительная свобода в воспитании детей Отношения между супругами допускают переговоры
Гендерная сегрегация	Жесткая, ограниченный доступ женщины в публичную сферу	Вынужденно смягченная, женщины проникают в мужские сферы занятости	Смягченная, допускается частичное участие женщин в публичной сфере (НГО, образование), частичное участие мужчин в домашней работе

Сфера сексуальности	Семейно-прона- тальная, долг жены, сексуали- зация женствен- ности	Семейно-прона- тальная, долг жены, сексуализа- ция женственности	Повышение ценности супружеских сексу- альных отношений, секс как практика удовольствия
Гендерно марки- рованная нацио- нальная иденти- фикация	Усиление роли этнической тра- диции, нацио- нальная иденти- фикация тож- дественна половозрастной иерархии	Национальная идентификация тождественна половозрастной иерархии, но прак- тики нарушают данную иерархию	Проблематизация ген- дерных компонентов национальной иденти- фикации Советская / русифи- цированная идентич- ность является био- графическим компонентом, этни- ческая традиция ста- новится предметом рефлексии

Итак, сексуальность женщины остается «базисом» патриархального гендерного порядка, задавая роли, идентичности и практики парадигмального сценария. Однако в некоторых сегментах общества сексуальность проблематизируется, а гендерные роли женщины, вынужденно или сознательно, не сводятся к биологическому воспроизводству. При этом изменение сексуальных практик для женщины остается легитимным только в браке.

ПРИМЕЧАНИЕ

Таджикистан

Краткая статистическая справка

6 млн жителей, городское население – 30 %

1991 год – Провозглашена независимость Республики Таджикистан

1992–1997 годы – гражданская война, региональные элиты Куляб и Худжанд (коммунистическая идеология) vs. Каратегин и Памир (демократически-религиозная)

Этнический состав Таджикистана

1984 год – 60 % таджики, 20 % узбеки, 8–10 % – русские

2000 год – 80 % таджики, 15 % узбеки, 3–5 % – русские (по данным переписи)

Гендерные показатели

Женщины составляют 40 % (1991 год), 46 % (1996 год) рабочей силы
Средний размер семьи – 6,6 человек (1984 год), 5,2 – в Душанбе, 6,1 – в Худжанде (1998 год).

Среднее количество детей в семье – 5,1 (1989 год), 3,6 (1997 год).

Количество разводов – 10 %

Статистические данные в статье приводятся по следующим источникам¹:

Women in Tajikistan [2000], Пачи [2003], а также:

- Все страны мира М.: Вече, 2000 // www.countries.ru/index.cgi?pid=914;
- Ленинабадской области 60 лет. М., 2000;
- Таджикистан в цифрах 2004: Статистический сборник. Государственный комитет статистики Республики Таджикистан;
- Tajikistan – www.nationmaster.com/encyclopedis/demographics-of-Tajikistan;
- Ethnicity in Tajikistan www.angelfire.com/sd/tajikistanupdate/culture/html.

Список литературы

Бозрикова Т. К проблеме гендерных ролей и стереотипов в Таджикистане // Современные проблемы гендерных исследований в Таджикистане: Материалы республиканской научно-практической конференции. Душанбе: ЦГИ, 2002. С. 57–60.

Вигманн Г. Таджикиские женщины и социальные изменения: взгляд с западной стороны // Гендер: традиции и современность / Под ред. С. Касымовой. Душанбе, 2005. С. 162–176.

Гофман И. Гендерный дисплей // Введение в гендерные исследования: Хрестоматия. Ч. 2 / Под ред. С. Жеребкина. Харьков; СПб.: Алетейя, 2001. С. 306–335.

Здравомыслова Е. А., Темкина А. А. Структурно-конструктивистский подход в гендерных исследованиях // Социология гендерных отношений: Учебное пособие для студентов вузов / Под ред. З. М. Саралиевой. М.: РОССПЭН, 2004а. С. 80–98.

Здравомыслова Е., Темкина А. От лицемерия к рационализации: дискурсивная трансформации в сфере сексуальных отношений // Гендерные исследования. 2004б. № 11. С. 176–186.

Идиев Х. Трансформирующееся таджикское общество. Душанбе: Ифрон, 2003.

Касымова С. Гендерный порядок в постсоветском Таджикистане: традиционализм перед лицом глобализации // Гендер: традиции и современность / Под ред. С. Касымовой. Душанбе, 2005. С. 177–197.

Касымова С. Гендерная система в контексте социальных изменений таджикского общества. 2006а (в печати).

Касымова С. Гендерная система таджикского общества: путь к модернизации (советский период) // Гендерная система: состояние и тенденции развития / Под ред. Ш. Шоисматуллоева. Душанбе: АН Республики Таджикистан: Институт философии права, 2004. С. 132–159.

Касымова С. Традиции и практики многоженства в таджикском обществе. 2006б (в печати).

Кисляков Н. Семья и брак у таджиков // Труды института этнографии. Новая серия. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1959. Т. 44.

Кисляков Н. Очерки по истории семьи и брака у народов Средней Азии и Казахстана. Ленинград: Наука, 1969.

¹ Необходимо отметить противоречивость некоторых, особенно современных, статистических данных.

Кон И. Человеческие сексуальности на рубеже XXI века // В поисках сексуальности: Сборник статей / Под ред. Е. Здравомысловой и А. Темкиной. СПб.: Изд-во Д. Буланина, 2002. С. 24–46.

Кон И. Сексуальная культура в России: Клубничка на березке / 2 изд., перераб. и доп. М.: Айрис-пресс, 2005.

Куватова А. Гендерные исследования в Таджикистане // Гендерная система: состояние и тенденции развития / Под ред. Ш. Шоисматулоева. Душанбе: АН Республики Таджикистан: Институт философии права, 2004. С. 37–67.

Кун Т. Структура научных революций. М.: Прогресс, 1977.

Махмаджанова М. О социальном образе таджикской женщины // Современные проблемы гендерных исследований в Таджикистане: Материалы республиканской научно-практической конференции. Душанбе: ЦГИ, 2002. С. 159–162.

Мягкая Л. Феномен судьбы в женском представлении // Женская устная история: гендерные исследования. Ч. 2 / Отв. ред. Э. Шишкарева. Бишкек: ОФ «Центр издательского развития», 2005. С. 128–190.

Насруллоев Ф. Хиджаб «вне закона» // www.ca-oasis.info. 2005 // П. Пачи. Гендерные проблемы в странах с переходной экономикой. М.: Алекс, 2003.

Темкина А., Роткирх А. Советские гендерные контракты и их трансформация в современной России // Социс. 2002. № 11. С. 4–15.

Уолби С. Женщина и нация // Нации и национализм. М.: Праксис, 2002. С. 308–331.

Хайдаров Р. Социокультурные аспекты гендерных проблем в Республике Таджикистан // Гендерная система: состояние и тенденции развития / Под ред. Ш. Шоисматулоева. Душанбе: АН Республики Таджикистан: Институт философии права, 2004. С. 124–131.

Хегай М. Исследование явления многоженства в Таджикистане: Отчет о пилотном исследовании / Швейцарское агентство по развитию и сотрудничеству. Женская неправительственная организация «Традиция и современность». Душанбе, 2002.

Шоисматуллоев Ш. Гендерные изменения в сфере занятости и социальное положение семьи в постсоветском Таджикистане // Гендерная система: состояние и тенденции развития / Под ред. Ш. Шоисматулоева. Душанбе: АН Республики Таджикистан: Институт философии права, 2004. С. 77–85.

Юваль-Дейвис Н. Гендер и нация. Рига: Sage: Elpa, 2001.

Akiner S. Between Tradition and Modernity: The Dilemma Facing Contemporary Central Asian Women // Post-Soviet Women: from the Baltic to Central Asia / Ed. by M. Buckley. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. P. 261–304.

Connell R. Gender and Power: Society, the Person and Sexual Politics. Stanford, Calif.: Polity Press, 1987.

Harris C. Control and Subversion: Gender Relations in Tajikistan. L.: Pluto Press, 2004.

Gagnon J. 'The Explicit and Implicit Use of the Scripting Perspective in Sex Research' // J. Bancroft (Ed.). Annual Review of Sex Research. 1990. Vol. 1.

Gagnon J. H. and Simon W. Sexual Conduct: The Social Sources of Human Sexuality. Chicago: Aldine, 1973.

Jackson S. Heterosexuality in Question. London: SAGE Publications, 1999.

Janeway E. Who is Sylvia? On the Loss of Sexual Paradigms // Signs: Journal of Women in Culture and Society. 1980. № 5. P. 573–589.

- Kandiyoti D.* Bargaining with Patriarchy // *Gender and Society*. 1988. Vol. 2. № 3. P. 274–290.
- Kasymova S.* Suku Puolten Valiset Suhteet Tadzikistaisaa // *Idantutkimus*. 2002. № 2. P. 45–54.
- Laumann E., Gagnon J., Michael and Michael S.* The Social Organization of Sexuality: Sexual Practices in the United States. Chicago: The University of Chicago Press, 1994.
- Lorber J.* Paradoxes of Gender. New Haven; London: Yale University Press, 1994.
- Mernissi F.* Beyond the Veil. Male-Female Dynamics in Modern Muslim Society (Revised edition). Bloomington; Indianapolis: Indiana University Press, 1987.
- Renzetti C. and Curran D.* Women, Men and Society. Boston: Allyn & Bacon, 1992.
- Rotkirch A.* The Man Question: Loves and Lives in Late Twentieth Century Russia. Helsinki: University of Helsinki, Department of Social Policy. Research report 1/2000.
- Roy O.* The New Central Asia – the Creation of Nations. L.: I. B. Tauris, 2000.
- Simon W.* Postmodern Sexualities. N. Y., L.: Routledge, 1996.
- Simon W. & Gagnon J.* Sexual Scripts // *Society*. 1984. 22 (1).
- Therborn G.* Between Sex and Power. Family in the World, 1900–2000. L.; N. Y.: Routledge, 2004.
- Yuval-Davis N. and Anthias F.* Woman – Nation – State. L.: Sage, 1989.
- Women in Tajikistan: Country Gender Assessments: Доклад Банка развития Азии //* Quat.www.abd.org/Documents/Books/Country Briefing Papers/Women in Tajikistan. 2000.

Анна Андриановна Темкина
PhD social sciences,
факультет политических наук и социологии
Европейского университета в Санкт-Петербурге (ЕУСПб)
электронная почта: temkina1@mail.wplus.net
